

«Стрессоустойчивость» в официальной риторике КНР¹

Е. Б. Павлова, С. В. Мазаник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Павлова Е., Мазаник С. «Стрессоустойчивость» в официальной риторике КНР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 77–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.105>

Категория «стрессоустойчивость» уже давно стала активно использоваться в социальных науках. Однако в последнее время все большее количество акторов международных отношений, как государств, так и международных организаций, стремятся включить ее в свою повестку и придать ей концептуальное и даже, что справедливо для случая с Европейским союзом, нормативное содержание. Возникает глобальный тренд, суть которого состоит в том, что «стрессоустойчивость» постепенно становится важной категорией внешней политики. В данной статье анализируется то, каким образом эта категория используется сегодня в официальном дискурсе Китайской Народной Республики. Вначале мы рассмотрим, как в западной академической дискуссии «стрессоустойчивость» использовалась для описания и объяснения политических процессов внутри Китая и каким образом эта дискуссия соотносится с современным пониманием стрессоустойчивости как инструмента внешней политики. В этом опорной точкой нам послужит Глобальная стратегия Европейского союза, в которой категория «стрессоустойчивость» впервые приобрела нормативное измерение. Далее мы обратимся непосредственно к примерам употребления понятия «стрессоустойчивость» в китайском языке и, во-первых, определим, при помощи каких слов оно было инкорпорировано в китайские политические практики, во-вторых, выделим варианты перевода этого понятия, которые используются в официальном дискурсе Китайской Народной Республики, и, наконец, в-третьих, укажем, приобретает ли категория «стрессоустойчивость» оригинальное нормативное содержание в официальном и экспертном дискурсе КНР в сравнении с концепцией стрессоустойчивости, изложенной в Глобальной стратегии Европейского союза.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, Китайская Народная Республика, Глобальная стратегия Европейского союза.

Концепция стрессоустойчивости уже давно закрепились в социальных науках. Однако привлекает она не только представителей академического сообщества. Сегодня она широко используется в официальных заявлениях представителей западных стран и международных организаций. Как справедливо отмечает в своей статье Евгений Трещенков, сегодня «стрессоустойчивость» на концептуальном уровне, пусть и с разной глубиной проработки, включена в повестку дня таких организаций, как ООН, ОЭСР, НАТО и ЕС. Причем Евросоюз не просто включил концепцию стрессоустойчивости в ряд своих документов, но придал ей норматив-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

ное измерение, сделав инструментом внешней политики [1]. Очевидно, что сегодня стрессоустойчивость является важным критерием, опора на который при оценке состояния и перспектив мировой политики становится глобальным трендом. Все большее количество акторов международных отношений стремятся включить стрессоустойчивость в свою повестку, однако ее интерпретация и дальнейшая артикуляция в локальных дискурсах далеко не однозначны. Именно поэтому нам представляется важным проследить логику использования «стрессоустойчивости» как описательной характеристики политических процессов и ее потенциальное становление как полноценной концепции в незападных странах. В данной статье речь пойдет о Китайской Народной Республике.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что данная работа не направлена на анализ текущей политической ситуации в КНР. Именно поэтому мы сфокусируем наше внимание не на доказательствах предполагаемой стрессоустойчивости элементов политики Пекина, а на постепенном включении «стрессоустойчивости» как термина, а в некоторых случаях и как концепции в официальный и экспертный дискурс. Несмотря на то что на сегодняшний день говорить о концепции стрессоустойчивости как о составляющей официального китайского дискурса было бы неправильным, мы предполагаем, что выявление некоторых тенденций использования данной категории может представлять как научный, так и практический интерес, связанный с выявлением характера нормативного взаимодействия между ЕС и КНР в отношении данного понятия.

Проблема инкорпорации западных концепций в китайскую политическую практику уже становилась предметом различных исследований. Так, например, Светлана Кривохиж отмечает, что в 1990–2000-х годах в Китае разгорелись споры о том, каким способом следует в китайском языке передавать значение концепции *soft power* («мягкая сила»). В ходе данной полемики было предложено множество вариантов перевода, из которых в конечном счете только один стал использоваться в официальном дискурсе, в то время как в академических кругах до сих пор употребляется несколько вариантов [2, с. 104]. Нам хотелось бы рассмотреть указанную проблему, обратившись к новой западной концепции — стрессоустойчивости.

Таким образом, целью статьи является выявление особенностей использования понятия «стрессоустойчивость» и смыслов, которые в него вкладываются, в официальном дискурсе КНР по сравнению с европейским дискурсом. В заключение мы постараемся ответить на вопрос, придается ли категории «стрессоустойчивость» в официальном дискурсе КНР оригинальное «китайское» содержание и если придается, то в какой форме и при каких условиях.

В первой части данной статьи мы рассмотрим, каким образом категория «стрессоустойчивость» применялась в западной политологии в отношении политических процессов, происходящих внутри КНР. Далее мы обратимся к китайской практике перевода и употребления понятия «стрессоустойчивость» и определим тактики использования этой категории. Применяя контент-анализ, мы рассмотрим ключевые официальные заявления представителей политических элит КНР, что позволит нам прояснить смысловое наполнение категории «стрессоустойчивость» в рамках официального дискурса КНР. В работе задействованы материалы как на китайском, так и на английском языке. Использование последних представляется нам допустимым, поскольку помогает прояснить включение китайскими офици-

альными элитами концепции стрессоустойчивости в документы, предназначенные для мировой аудитории.

Дискуссия о стрессоустойчивости: прошлое и настоящее

Сегодня ЕС активно продвигает концепцию стрессоустойчивости как имманентную характеристику демократического общества. Однако так было не всегда. Более того, ранее в англоязычных академических дебатах понятие «стрессоустойчивость» активно применялось при анализе авторитарных режимов, в частности Китайской Народной Республики.

Одной из первых подобных работ стала статья Эндрю Нэтана «Авторитарная стрессоустойчивость». В своем исследовании автор признает несостоятельность ранее бытовавших в западном научно-исследовательском сообществе мнений о скором падении авторитарного режима в КНР². Нэтан пытается выработать теоретический подход, который позволил бы объяснить стрессоустойчивость авторитарного режима Китая. По мнению автора, Коммунистическая партия Китая (КПК) по итогам силового подавления протестов не только не утратила власть, но и укрепила свои позиции в китайском обществе, во многом благодаря произведенной «институционализации режима» [3, р.6–7], т.е. подчинению поведения участников внутривластных процессов неким нормам и правилам. Таким образом, по мнению Нэтана, стрессоустойчивость — это качество авторитарного режима, которое тот приобретает в результате проводимой институционализации и которое позволяет отсрочить его демократизацию и падение. При этом важно отметить, что Нэтан ничего не пишет о самом понятии «стрессоустойчивость» и тем более не рассматривает его в нормативном ключе. Для него стрессоустойчивость — это просто характеристика режима, без которой авторитарное правление будет разрушено.

Работа Э. Нэтана вызвала неоднозначные оценки. Так, его коллега Брюс Джилли вступил с ним в дискуссию, опубликовав работу, в которой критикует подход Нэтана³. Фокусируясь скорее на институционализации как ресурсе поддержания режима, нежели на самой идее его стрессоустойчивости, Джилли подчеркивает временный характер последней [4]. Тем не менее дискуссия, связывающая процессы институционализации и стрессоустойчивость, была продолжена.

Об угрозе режиму со стороны институционализации пишет и китайский исследователь Чэн Ли, который предлагает провести черту между стрессоустойчивостью страны и стрессоустойчивостью режима, т.е. правления Коммунистической партии Китая. Иными словами, «не следует смешивать национальную стрессоустойчивость Китая в виде зарождающегося среднего класса, новой политики групп интересов и динамичного общества со способностью и легитимностью КПК управлять страной» [5]. Необходимость в этом, по мнению автора, объясняется стремлением китайского общества к «демократии по западному образцу», которое, в свою очередь, проявляется в возникновении в Китае явлений и процессов, свой-

² Как отмечает сам Нэтан, такие мнения были особенно сильны среди синологов и специалистов по теории демократизации после протестов лета 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

³ В 2002 г. в соавторстве с Нэтаном у Джилли вышла монография «China's New Rulers: The Secret Files».

ственных западным демократиям и не инициированных непосредственно КПК. Авторитарная стрессоустойчивость КПК, таким образом, является «стагнирующей системой», которая не усиливает стабильность режима, но резервирует ее в краткосрочной перспективе и способствует ее подрыву в долгосрочной, поскольку КПК сопротивляется исходящим снизу требованиям о демократизации и не уделяет должного внимания уже имеющим место демократическим тенденциям в обществе [5]. Исходя из этого, чтобы повысить свою легитимность и доверие в глазах граждан и иметь возможность оставаться у власти еще длительное время, партии следует, по мнению автора, расширять поддержку демократических практик и способствовать демократизации «сверху».

Важно отметить, что если Джилли в 2003 г., подвергая критике концепцию авторитарной стрессоустойчивости, в принципе не отказывается от нее, но подчеркивает лишь ее ограниченный характер, то Чэн Ли в статье 2012 г. говорит уже, по сути, о двух типах стрессоустойчивости.

Сравнительное исследование стрессоустойчивости политических режимов Египта периода правления Х. Мубарака и Туниса под управлением Б. Али, разрушенных в итоге «арабской весны», с одной стороны, и КНР — с другой [6], также является интересным примером использования понятия стрессоустойчивость. Так, бóльшая стрессоустойчивость КНР объясняется наличием партии-гегемона, пронизывающей все китайское общество, усилением роли, которую играют способности конкретного индивида при продвижении в государственных и партийных органах, а также умением китайского режима купировать общественное недовольство на низовом уровне. При этом недовольство направляется против региональных правительств, а не центра, что не позволяет общественным волнениям принять характер всекитайской акции протеста. Институты Египта и Туниса, в отличие от Китая, не способствовали ослаблению общественного недовольства, из-за чего данные авторитарные режимы не обладали стрессоустойчивостью и пали. Таким образом, в отношении авторитарной стрессоустойчивости уместно говорить не только о том, стрессоустойчив ли тот или иной режим или нет, но также и о влиянии структуры органов управления на его стрессоустойчивость.

Сходной позиции придерживается и китайский исследователь Цай Юншунь. В рамках дискуссии о роли органов управления КНР в повышении стрессоустойчивости режима автор подчеркивает, что децентрализация и существование институтов местной власти, наделенных определенной автономией, позволяют центру повысить свою легитимность. Но это происходит не только путем дистанцирования от ответственности за деятельность местных правительств, но также благодаря тому, что автономия местных органов управления в разных административных единицах КНР порождает разные варианты реакции чиновников на просьбы и недовольство людей, тем самым способствуя снижению уровня общего недовольства по отношению к режиму. Более того, получая информацию о столкновениях граждан и власти на местах, точнее говоря, о степени репрессивности мер реагирования местных властей на недовольство граждан, центр понимает, какие низовые практики надо поощрять и какие проблемы необходимо решить в первую очередь, чтобы повысить легитимность режима и тем самым усилить его стрессоустойчивость [7].

Таким образом, в рамках англоязычной политологической дискуссии существует четкая тенденция приписывания политическому режиму КНР авторитарной

стрессоустойчивости, под которой понимается набор тактик и подходов к управлению, базирующихся на низовых практиках и ставящих своей целью не допустить разрастания общественного недовольства до уровня всекитайских акций протеста и потери режимом легитимности, что может привести к его падению.

Итак, западный академический мир уже не первый год говорит о стрессоустойчивости авторитарных режимов, явно не наделяя саму стрессоустойчивость нормативными характеристиками. И тем интересней становится взглянуть на новые веяния европейского официального дискурса, где категория «стрессоустойчивости» не только приобрела концептуальное измерение и стала «центральной для внешней деятельности ЕС», но и получила нормативное наполнение. В Глобальной стратегии Европейского союза (ГЕСЕ) указано, что «стрессоустойчивое общество — [общество], в котором есть демократия, доверие к институтам и устойчивое развитие, — лежит в основе демократического государства» [8]; более того, «стрессоустойчивое государство — это безопасное государство, а безопасность — это ключ к процветанию и демократии» [8]. Согласно официальному дискурсу ЕС, стрессоустойчивость — не что иное, как характеристика демократического общества. Ключевым ресурсом здесь становятся низовые практики, на которые ЕС собирается ориентироваться. Причем речь идет о поддержке практик, осуществляемых гражданами как стран самого ЕС, так и сопредельных государств.

Перед нами интересный парадокс западной академической дискуссии: одна и та же категория в одном случае используется как характеристика системы, а в другом — исключительно как ее позитивный элемент, как некая новая норма. Тем не менее публикация ГЕСЕ оказала серьезное влияние на современную дискуссию о стрессоустойчивости как обязательном элементе политических систем. Многие государства, использовавшие в официальном дискурсе стрессоустойчивость лишь как качественную характеристику общества, после появления ГЕСЕ задумались о ее применении как концепции во внешнеполитической деятельности.

В следующей части мы продемонстрируем данный процесс на примере Китайской Народной Республики.

Стрессоустойчивость в официальном дискурсе и академической дискуссии КНР

Понятие «стрессоустойчивость» вошло в научно-исследовательский оборот после публикации в 1973 г. работы Кроуфорда Холлинга, в которой оно рассматривается в качестве ключевого элемента экологических систем. В ней подчеркивалось, что стрессоустойчивые системы способны поглощать изменения, не изменяя своей внутренней структуры [9, с. 4]. С тех пор эта категория проникла во многие сферы научного знания, в том числе и в общественные науки. Определение Холлинга стало ключевым для академической дискуссии Запада. Возможно, именно поэтому в официальном переводе на китайский язык сокращенной версии ГЕСЕ понятие стрессоустойчивости передается как 适应能力 (shiying nengli) [10]. Такой вариант перевода по смыслу соответствует 适应力 (shiyingli), термину, который был использован китайский ученым Ян Цзянем при изучении стрессоустойчивости отношений между КНР и Тайванем [11]. В работе, опубликованной в 2015 г., он ссылается на Холлинга и переводит стрессоустойчивость как 适应力 — «приспосо-

бляемость», «сила, способность приспособиться». Неудивительно, что именно эти два варианта перевода были обнаружены нами в «Белой книге КНР по Арктике» 2018 г.: «[Китай] улучшает приспособляемость и стрессоустойчивость арктической экологической системы» [12]. Здесь понятие «стрессоустойчивость» употреблено сугубо в экологическом контексте, где работы Холлинга имеют особую значимость. Тем не менее ни при переводе на китайский язык международных документов, ни при обращении к идее стрессоустойчивости в китайском официальном и академическом дискурсе этот вариант не стал основным.

Чтобы проиллюстрировать всю сложность, связанную с передачей понятия «стрессоустойчивость» в китайском языке, рассмотрим некоторые документы ООН на китайском языке. Мы обнаруживаем, что в одном документе даже в схожих или одинаковых контекстах слово «стрессоустойчивость» может переводиться по-разному: в некоторых случаях (например, в «Преобразовании нашего мира: Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [13] или в Записке секретариата «Региональные и субрегиональные подходы к процессу преобразований в целях создания жизнеспособных и устойчивых к внешним потрясениям обществ» [14]) встречается до шести вариантов перевода, причем варианта *shiyìng nénglì* среди них нет. Однако и в этих переводах можно заметить определенную закономерность. Рассмотрим некоторые из вариантов перевода слова «стрессоустойчивость» на китайский язык с их дословным переводом на русский: 复原力 (*fuyuanli*), «возвращающая сила», 抵御能力 (*dìyù nénglì*), «сила/способность противодействия/противостояния», 抗灾能力 (*kāngzāi nénglì*), «сила/способность борьбы с бедствиями». Мы видим, что во всех данных случаях стрессоустойчивость определяется через слово 能力, «сила/способность», причем «сила» обладает в каждом случае определенной характеристикой: либо речь идет о силе, способной вернуть, либо о силе противостояния, либо о силе противодействия неким бедствиям. То есть стрессоустойчивость здесь скорее предстает как некая сила, внутренние ресурсы которой определяются контекстом ситуации.

Итак, на настоящем этапе в Китае не существует единого устоявшегося перевода для слова «стрессоустойчивость», а значит, говорить об успешном привнесении, адаптации и закреплении этого понятия пока еще рано. В КНР, в отличие от ЕС, на официальном уровне не принято ни одного документа, в котором бы отражалось целостное и концептуальное видение стрессоустойчивости как категории официального дискурса. Стрессоустойчивость для китайцев остается словом, требующим перевода, но не претендующим (по крайней мере, пока) на то, чтобы считаться полноценной концепцией, обладающей смысловым единством. Здесь, впрочем, КНР не является исключением из правил: подобные «трудности перевода» наблюдаются и в других странах, которые не принадлежат в полной мере к западной нормативной дискуссии, например в РФ [15, с. 136–137].

Однако, несмотря на отсутствие у Китая собственной доктрины стрессоустойчивости, существует достаточное количество материалов, знакомство с которыми позволяет сформулировать ключевые тактики использования этого понятия в официальном дискурсе КНР.

Чтобы представить эти тактики, мы обратились к документам, размещенным на сайтах МИД и Госсовета КНР, публикациям в государственных китайских СМИ, а также привлекли некоторые материалы, написанные представителями китайско-

го научно-исследовательского сообщества. Анализ этих документов позволяет нам говорить о первых шагах на пути инкорпорации данной концепции в китайскую политическую практику — во всяком случае, слово для нее в китайском языке уже найдено. Во всех документах, представленных ниже, стрессоустойчивость обозначена как 韧性 (renxing). Основные значения данного слова — «пластичность», «вязкость» и «эластичность» как физические характеристики материала. Интересно, что это же слово использовано для обозначения стрессоустойчивости в переводе статьи Э. Нэтана «Авторитарная стрессоустойчивость» [16].

Слово 韧性 состоит из двух иероглифов: 韧 — «упругий», «гибкий», «крепкий», и 性, словообразовательного суффикса, указывающего на характер, свойство или природу чего-либо. 性 как отдельное слово обозначает также «природа» или «естество». В таком варианте перевода мы видим попытку передать в китайском языке логику категории «стрессоустойчивость» как неотъемлемого элемента системы, исчезновение которого ведет к ее разрушению и поддержание которого обеспечивается самой системой. Таким образом, использование слова renxing (韧性) — это сближение с концепцией стрессоустойчивости как элемента системы (т.е. с тем подходом, который задал в рамках научной дискуссии Холлинг).

Именно как renxing (韧性) переводится категория «стрессоустойчивость» экспертным сообществом Китая при анализе ГСЕС. При этом отмечается, что концепция стрессоустойчивости в действительности оказалась полезной для ЕС, потому что позволила привести равновесие в отношения между «интересами и системой ценностей», минимизируя внешнеполитическую активность ЕС и позволяя сосредоточиться в дальнейшем на разрешении внутренних проблем. В то же время Институтом европейских исследований Китайской академии общественных наук⁴ подчеркивается, что основной причиной, по которой в Стратегии уделяется столь большое внимание стрессоустойчивости, выступает необходимость «пересмотра и спасения системы ценностей либерализма в вопросе их практического использования в политике» [18]. Очень интересным примером использования идеи стрессоустойчивости стал доклад Шанхайского института международных отношений⁵ «Оценка и будущее китайско-лаосского взаимодействия в области развития» [19], который вышел в свет через три месяца после публикации ГСЕС. В этом документе рекомендуется «поддерживать вовлечение китайских НПО в Лаос» ради выстраивания коммуникации с местным населением. Китай должен «основать платформы для... взаимодействия между правительством, предприятиями и гражданским обществом». Все эти меры «не только усилят социальную стрессоустойчивость в Лаосе, но также создадут условие для взаимодействия на правительственном уровне». Становится заметна параллель между пониманием стрессоустойчивости как инструмента международных отношений, представленным в данном докладе, и ее видением в ГСЕС, поскольку и в докладе, и в Стратегии делается акцент на повышении стрессоустойчивости общества другой страны. Но в отличие от европейского документа в докладе Шанхайского института нет отсылок к либеральным ценностям. Напротив, необходимость наращивания лаосской стрессоустойчивости объясняется желанием упростить режим инвестирования в Лаос. Данный пример

⁴ Один из правительственных «мозговых центров» КНР. О важности и роли «мозговых центров» в китайской политике см.: [17].

⁵ Также один из правительственных «мозговых центров».

свидетельствует о том, что в китайском академическом дискурсе предпринимаются попытки осмыслить категорию «стрессоустойчивость», а именно связать на концептуальном уровне европейское видение стрессоустойчивости как инструмента укрепления международных связей с защитой экономических интересов КНР за рубежом.

Теперь обратимся к официальному дискурсу КНР. Здесь прежде всего обращает на себя внимание тактика использования понятия «стрессоустойчивость» применительно к двусторонним отношениям КНР с другими странами. На сайте МИД КНР начиная с 2014 г. встречаются информационные сообщения о том, насколько позитивную роль играет стрессоустойчивость в развитии связей Китая с другими странами. Так, отмечается, что китайско-британские [20] отношения доказали свою стрессоустойчивость, несмотря на испытание в виде Брекзита; что китайско-американские [21] связи, основанные на принципах Шанхайского коммюнике⁶, стали «более стрессоустойчивыми», несмотря на смену лидеров и в КНР, и в США и невзирая на «коренные изменения в мире». В ряде случаев придание двусторонним отношениям стрессоустойчивости преподносится как цель Китая, которую еще предстоит достичь (например, как в случае с ЕС), поскольку такого рода отношения позволяют «сглаживать различия» и «работать над общими интересами» [22]. Аналогичная оценка стрессоустойчивости дается применительно к китайско-индийским [23] связям: они «должны обладать достаточной стрессоустойчивостью и гибкостью», поскольку для обеих стран «общие интересы стоят на первом месте». Таким образом, в рамках китайского официального дискурса на протяжении пяти последних лет наблюдается тенденция говорить о стрессоустойчивости применительно к отношениям КНР с другими странами. И несмотря на то что в каждом конкретном случае это понятие обладает различными контекстными особенностями, смысловое наполнение категории «стрессоустойчивость» всегда позитивно.

Часто стрессоустойчивость упоминается в качестве характеристики китайской экономики и китайского экономического роста. При этом то, что китайская «экономика является исключительно стрессоустойчивой» [24], преподносится как одно из ключевых преимуществ Китая в качестве торгового партнера. В ряде публикаций также отмечается, что «Китай остается одной из наиболее быстрорастущих и стрессоустойчивых экономик мира», причем экономическая стрессоустойчивость понимается как одна из «основ китайской экономики», ее «самая существенная черта», которая и позволяет руководству КНР «эффективно отвечать на потенциальные экономические угрозы» [25]. Вместе с тем подчеркивается, что имеющегося уровня стрессоустойчивости недостаточно, и заявляется, что и в дальнейшем «экономика Китая будет наращивать свою экономическую стрессоустойчивость». Для этого необходимо будет продолжать текущие процессы «индустриализации нового типа, внедрения информационных технологий, урбанизации и сельскохозяйственной модернизации» [26]. Важность увеличения стрессоустойчивости китайской экономики отмечает и премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян, говоря о том, что оно «позволяет [китайской] экономике постоянно поддерживать пространство для маневра» [27]. Подобная тактика использования категории «стрес-

⁶ Шанхайское коммюнике было опубликовано 28 февраля 1972 года по итогам первого в истории визита американского президента в КНР. С этого документа началась история развития отношений между США и КНР, а также признания со стороны США концепции единого Китая.

соустойчивость» указывает на то, что в рамках официального дискурса КНР особое внимание уделяется концептуальному обоснованию правильности китайской экономической модели. Таким образом, экономическая стрессоустойчивость КНР позиционируется не просто в качестве преимущества Китая, которое представляется ценным для торговых партнеров, но и как уникальная черта китайской экономики, поддерживающая экономический рост КНР.

Важно отметить, что масштабные экономические проекты, которые осуществляет КНР (в частности, «Один пояс, один путь» (ОПОП), экономический пояс реки Янцзы, проект региона «Большого залива» Гуандун-Сянган-Аомэнь [28]), в китайском официальном дискурсе также рассматриваются в качестве источников экономической стрессоустойчивости. Это указывает на то, что на фоне значительных проблем китайской экономики, в частности диспропорции регионального развития [29], политические элиты Китая возлагают большие надежды на инфраструктурные проекты, способные, по их мнению, остановить замедление роста китайской экономики. Поэтому наделение их характеристикой «стрессоустойчивость» направлено на то, чтобы закрепить статус Китая как надежного партнера в экономических и торговых делах. Вместе с тем можно предположить, что использование категории «стрессоустойчивость» в данном случае обращено и к внутренней аудитории, самим китайцам, которые должны убедиться в том, что экономика КНР развивается в правильном направлении, несмотря на экономические проблемы в виде замедления роста ВВП [30] и торговой войны с США [31].

Несколько по-иному обстоит дело с использованием понятия стрессоустойчивости применительно к мировой экономике. Речь идет о вкладе КНР в «стрессоустойчивый глобальный экономический рост» [32] и ее ответственности за него. Это, разумеется, связано с ростом экономики Китая и ее стрессоустойчивости, о чем речь шла выше. Однако данный аспект не сводится лишь к готовности КНР принять на себя часть ответственности за рост мировой экономики и поддерживать его, но включает также стремление обезопасить себя от внешних экономических шоков и наиболее эффективно отстаивать свои экономические интересы. Именно поэтому на встрече министров финансов стран АТЭС представитель КНР говорит о «повышении стрессоустойчивости экономик» в качестве ответа на «торговый протекционизм, набирающий обороты» [33]. Стрессоустойчивость рассматривается, как и в случае с ЕС, в категориях безопасности — как гарантия от потенциальных угроз. «Торговые перипетии⁷, — сказано в одной из публикаций на сайте правительства КНР, — не изменили основных положений экономики Китая», поскольку она «обладает стрессоустойчивостью и уверенностью» [34]. Однако если в ГСЕС проводится прямая связь между демократическим правлением и наличием стрессоустойчивости, то в официальном дискурсе КНР стрессоустойчивость связана с экономической безопасностью и обеспечивает свободу международной торговли — условие, без которого КНР, крупнейшая страна-экспортер [35], столкнется с трудностями.

Наряду с использованием категории «стрессоустойчивость» применительно к двусторонним отношениям КНР и различным экономическим вопросам, интересным представляется объяснение успеха и популярности КПК в китайском об-

⁷ Имеется в виду торговая война с США.

ществе через наделение партии стрессоустойчивостью. Так, например, подчеркивается, что «стрессоустойчивость КПК, по сути, проистекает из стрессоустойчивости членов КПК», которая, в свою очередь, поддерживается «приверженностью идеям [коммунизма]» со стороны членов компартии и их «убеждениями» [36]. О значительной роли веры в марксизм в усилении стрессоустойчивости КПК говорится и на сайте Китайской академии управления, где также подчеркивается, что стрессоустойчивость партии «является крепким основанием ее легитимности» [37]. Также обращает на себя внимание не просто акцент на важность марксистской идеологии КПК для стрессоустойчивости партии, но и необходимость «быть во время бури в одной лодке с народом», «постоянно ставить народные интересы превыше всего». Здесь, очевидно, мы можем наблюдать, что КПК стремится путем наделения себя таким качеством, как стрессоустойчивость, обосновать свое доминирующее положение в Китае. Вместе с тем призывы «усилить стрессоустойчивость» свидетельствуют (как и в случае со стрессоустойчивостью китайской экономики) о восприятии стрессоустойчивости партии в качестве важного ресурса по сохранению в дальнейшем доминирующих позиций в китайском обществе.

Итак, несмотря на отсутствие концептуального понимания категории «стрессоустойчивость» в Китае, мы можем уже сейчас зафиксировать некоторые тенденции и варианты употребления понятия «стрессоустойчивость» в официальном дискурсе КНР.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод, что данная категория используется преимущественно в отношении китайской экономики. В этом состоит ключевое различие между содержанием категории «стрессоустойчивость» в ЕС, где акцент делается на ценностях либеральной демократии, и КНР, в официальном дискурсе которой стрессоустойчивой является экономическая модель Китая. Стрессоустойчивость, с одной стороны, воспринимается как особая характеристика китайской экономики, которая обеспечивает экономический рост, а с другой — является неким дефицитным ресурсом, запас которого нужно постоянно увеличивать. Источниками наращивания стрессоустойчивости видятся масштабные инфраструктурные проекты, проводимые правительством КНР. Такое двоякое понимание стрессоустойчивости в экономической сфере вскрывает неоднозначное восприятие китайской элитой экономических проблем страны и способов их разрешения. Вместе с тем становится очевидным, что Китай активно использует данное понятие, чтобы обосновать правильность проводимой экономической политики и обеспечить более качественную защиту своих экономических интересов.

Стрессоустойчивыми в официальном дискурсе Китая могут считаться также и двусторонние отношения. И хотя тактики использования категории «стрессоустойчивость» в данном случае не обладают концептуальным единством, стрессоустойчивость отношений КНР с другими странами всегда является позитивным качеством. Наделение им двусторонних связей свидетельствует о намерении Китая подчеркнуть важность контактов с определенными партнерами. Еще одним примером обращения к понятию «стрессоустойчивость» служит рассмотрение стрессоустойчивости КПК как ресурса, необходимого для обоснования и сохранения лидирующих позиций партии в китайском обществе.

Заключение

Понятие «стрессоустойчивость» активно применялось в рамках западной академической дискуссии задолго до его формулировки в рамках ГСЕС. Причем задачей ставилось определить ресурсы стрессоустойчивости авторитарных режимов, прежде всего китайского. Не наделяя стрессоустойчивость никакой дополнительной нормативностью, исследователи желали прояснить ситуацию, сложившуюся в КНР. Стессоустойчивость данного авторитарного режима была очевидна и в начале 2000-х годов, и сегодня, однако важно, что, объясняя ее, ученые приходили к выводам, сходным с заключениями современных авторов, рассуждающих о стрессоустойчивости неолиберальных режимов. Речь идет о поддержке низовых практик как ресурсе, необходимом для усиления стрессоустойчивости. Однако данная дискуссия никак не повлияла на сегодняшние дебаты о стрессоустойчивости демократических обществ. Китай тем не менее ее не забыл и активно включился в легализацию своей внешней и внутренней политики через категорию «стрессоустойчивость».

В рамках официального и экспертного дискурса мы можем выделить следующие тактики. Во-первых, стрессоустойчивостью наделяются двусторонние отношения Китая с определенными странами — таким образом Китай подчеркивает важность отношений с ними. Во-вторых, стрессоустойчивыми объявляются экономика КНР и ее рост, и это составляет ключевое различие между пониманием категории «стрессоустойчивость» в Китае и ЕС, где прослеживается связь между стрессоустойчивостью и поддержкой ценностей либеральной демократии. Говоря о стрессоустойчивости собственной экономической системы, Китай подчеркивает правильность осуществляемой им модели управления и использует понятие «стрессоустойчивость» для защиты своих экономических интересов. В-третьих, «стрессоустойчивость» используется как довод, объясняющий доминирующие позиции КПК в китайском обществе, и рассматривается в качестве важного ресурса поддержания гегемонии партии. В-четвертых, вслед за ЕС, Китай говорит о возможности повышения стрессоустойчивости в соседних государствах, причем практически полностью заимствует модель взаимодействия с этими странами, предложенную Брюсселем. С той только разницей, что либеральные ценности в китайском дискурсе полностью заменены на экономическую логику.

Таким образом, очевидно, что КНР чутко реагирует на любые нормативные изменения, задаваемые западными странами, и активно их заимствует, наполняя своим оригинальным видением, которое максимально соответствует ее целям на международной арене.

Литература

1. *Трещеников Е. Ю.* Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления // *Власть*. 2018. Т. 26, № 8. С. 24–31.
2. *Кривохиж С. В.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // *Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика*. 2012. № 3. С. 103–113.
3. *Nathan A. J.* Authoritarian resilience // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14, No. 1. P. 6–17.
4. *Gilley B.* The limits of authoritarian resilience // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14, No. 1. P. 18–26.

5. Li C. The end of the CCP's resilient authoritarianism? A tripartite assessment of shifting power in China // *The China Quarterly*. 2012. Vol. 211. P. 595–623.
6. Hess S. From the Arab Spring to the Chinese Winter: The institutional sources of authoritarian vulnerability and resilience in Egypt, Tunisia, and China // *International Political Science Review*. 2013. Vol. 34, No. 3. P. 254–272.
7. Cai Y. Power structure and regime resilience: contentious politics in China // *British Journal of Political Science*. 2008. Vol. 38, No. 3. P. 411–432.
8. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 14.11.2018).
9. Holling C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973. Vol. 4. P. 1–23.
10. 欧洲外交和安全政策全球战略 (Глобальная стратегия ЕС). URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_zh.pdf (дата обращения: 29.10.2018).
11. 杨剑 两岸关系政治生态中各方适应力考察 (Ян Цзянь Исследование стрессоустойчивости КНР и Тайваня в политической среде двусторонних отношений). URL: <http://www.siiis.org.cn/Research/Info/507> (дата обращения: 20.09.2018).
12. 《中国的北极政策》白皮书 (Белая книга «Политика Китая в Арктике»). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 19.11.2018).
13. 变革我们的世界: 2030年可持续发展议程 (Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/94632030%20Agenda_Revised%20Chinese%20translation.pdf (дата обращения: 07.11.2018).
14. 关于变革迈向可持续和有复原力的社会的区域和次区域观点 (Региональные и субрегиональные подходы к процессу преобразований в целях создания жизнеспособных и устойчивых к внешним потрясениям обществ). URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/APFSD5_1C.pdf (дата обращения: 13.11.2018).
15. Гудалов Н. Н., Тулунов Д. С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2018. № 1 (88). С. 135–147.
16. Интервью Эндрю Нэтана порталу CNPolitics.com. URL: <http://cnpolitics.org/2012/06/andrew-nathan/> (дата обращения: 24.09.2018).
17. Zhu X., Xue L. Think tanks in transitional China // *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice*. 2007. Vol. 27, N 5. P. 452–464.
18. 严晓晓 韧性研究:对安全治理的批判性反思及其超越 (Янь Сяосяо. Исследование стрессоустойчивости: Критический пересмотр и превосходство упорядочивания безопасности). URL: <http://ies.cssn.cn/fjlb/201705/P020170522339689803464.pdf> (дата обращения: 24.09.2018).
19. Assessment and prospect of China-Laos development cooperation. Report. URL: en.siiis.org.cn/UploadFiles/file/20170417/20170316_中国与老挝发展合作_英文版.pdf (дата обращения: 19.09.2018).
20. Speech by H. E. Ambassador Liu Xiaoming at the “Icebreakers” Chinese New Year Dinner. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbdt_665378/t1433233.shtml (дата обращения: 14.10.2018).
21. Remarks by Ambassador Cui Tiankai at the screening of documentary survival in Shanghai and the reception in celebration of 25th anniversary of establishment of the diplomatic relations between China and Israel. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbdt_665378/t1429632.shtml (дата обращения: 14.10.2018).
22. Briefing by Ambassador Yang Yanyi on President Xi Jinping's visit to the EU. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbdt_665378/t141919.shtml (дата обращения: 15.20.2018).
23. 中印关系是全方位和有韧性的——刘劲松临时代办出席中印关系研讨会侧记 (Китайско-индийские отношения всеохватывающие и стрессоустойчивые: заметки о выступлении поверенного в делах Лю Цзинсуна на семинаре по китайско-индийским отношениям). URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cein/chn/sgxw/t1377946.htm> (дата обращения: 13.10.2018).

24. Ambassador Zhou Pingjian: "What Africa can expect from China's annual two sessions". URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1445935.shtml (дата обращения: 10.10.2018).
25. Chinese investment seeks win-win progress. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1406889.shtml (дата обращения: 14.10.2018).
26. Speech by H.E. Ambassador Liu Xiaoming at Bath royal literary and scientific institution: China's development brings opportunity to the world. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1365278.shtml (дата обращения: 17.10.2018).
27. 李克强概括中国经济三个突出特点: 韧性强、潜力大、活力旺 (Ли Кэцян резюмировал три выдающиеся особенности китайской экономики: усиление стрессоустойчивости, большой потенциал, яркая жизнеспособность) URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2017-09/12/content_5224597.htm (дата обращения: 19.10.2018).
28. 中国经济韧性足 (Стрессоустойчивости китайской экономики достаточно). URL: http://www.gov.cn/shuju/2018-08/06/content_5311960.htm (дата обращения: 17.10.2018).
29. Tian X. et al. Regional disparities in the Chinese economy. An emergy evaluation of provincial international trade // Resources, Conservation and Recycling. 2017. Vol. 126. P. 1–11.
30. Pettis M. Is China's economy growing as fast as China's GDP? URL: <https://carnegie.ru/commentary/75342> (дата обращения: 15.10.2018).
31. US-China trade war and the impact on the petrochemicals market. URL: <https://www.icis.com/press-releases/us-china-trade-war/> (дата обращения: 25.10.2018).
32. Remarks by Chinese Ambassador H.E. Sun Weidong at the launching ceremony of China-Pakistan Economic Corridor information website. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1425648.shtml (дата обращения: 23.10.2018).
33. АПЕС 财长会中方代表呼吁共同促进全球经济持续稳健增长 (Представитель Китая на встрече министров финансов АТЭС призвал к совместному стимулированию длительного устойчивого роста мировой экономики). URL: <http://news.cnstock.com/news,bwkh-201810-4285230.htm> (дата обращения: 25.10.18).
34. 中国经济有韧性有底气 (У китайской экономики есть и стрессоустойчивость, и уверенность). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-10/20/content_5332829.htm (дата обращения: 27.10.2018).
35. World's top export countries. URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries> (дата обращения: 27.10.2018).
36. 什么叫中国共产党的韧性 (Что называется стрессоустойчивостью КПК). URL: http://www.bjd.com.cn/sy/lzk/201707/03/t20170703_11063552.html (дата обращения: 3.12.2018).
37. 中国共产党保持恒久韧性的奥秘 (Секрет поддержания долгосрочной стрессоустойчивости от КПК). URL: http://www.ccps.gov.cn/llyl/201810/t20181010_112202.html (дата обращения: 4.12.2018).

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2018 г.
Статья рекомендована в печать 15 января 2019 г.

Контактная информация:

Павлова Елена Борисовна — канд. полит. наук, доц.; elena.pavlova@ut.ee
Мазаник Сергей Владимирович — студент-бакалавр; sergeymazanik97@gmail.com

“Resilience” in the official rhetoric of the People’s Republic of China

E. B. Pavlova, S. V. Mazanik

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

⁸ The research has been carried out at the expense of a grant of the Russian Scientific Foundation (project No 17-18-01110).

For citation: Pavlova E. B., Mazanik S. V. “Resilience” in the official rhetoric of the People’s Republic of China. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 1, pp. 77–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.105>

The category of resilience has long since become an actively used term in social sciences. However, more and more actors of international relations, both states and international organizations, have recently been striving to include “resilience” into their agenda and to attach it a conceptual and, what is true in the case of the European Union, even a normative content. Therefore, there emerges a global trend that “resilience” is gradually becoming an important category of foreign policy. This article analyzes the usage of the category of resilience in the official discourse of the People’s Republic of China. At the beginning, we consider how “resilience” was used in the Western academic discussion to describe and explain political processes in China and how that discussion correlates with the current understanding of resilience as an instrument of foreign policy. In this regard, the European Union Global Strategy serves as a starting point in which the category of resilience for the first time has acquired a normative dimension. Then we refer to the examples of using the concept of resilience in the Chinese language and, first, define by means of which words this concept was incorporated into the Chinese discourse; second, we point out some variants of translation of “resilience” being used in the official discourse of the People’s Republic of China; and third, we point out whether this concept assumes any novel normative content in China as compared with the resilience concept set out in the European Union Global Strategy.

Keywords: resilience, People’s Republic of China, European Union Global Strategy.

References

1. Treshchenkov E. Iu. Stressoustoichivost’ v sovremennykh diskursakh upravleniia [Resilience in the Modern Discourses of Governance]. *Vlast’*, 2018, vol. 26, no. 8, pp. 24–31. (In Russian)
2. Krivokhizh S. V. «Miagkaia sila» i publichnaia diplomatiia v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaia [“Soft Power” and Public Diplomacy in the Theory and Foreign Practice of China]. *Vestnik SPbGU. Ser. 3. Asian and African Studies*, 2012, no. 3, pp. 103–113. (In Russian)
3. Nathan A. J. Authoritarian resilience. *Journal of Democracy*, 2003, vol. 14, no. 1, pp. 6–17.
4. Gilley B. The limits of authoritarian resilience. *Journal of Democracy*, 2003, vol. 14, no. 1, pp. 18–26.
5. Li C. The end of the CCP’s resilient authoritarianism? A tripartite assessment of shifting power in China. *The China Quarterly*, 2012, vol. 211, pp. 595–623.
6. Hess S. From the Arab Spring to the Chinese Winter: The institutional sources of authoritarian vulnerability and resilience in Egypt, Tunisia, and China. *International Political Science Review*, 2013, vol. 34, no. 3, pp. 254–272.
7. Cai Y. Power structure and regime resilience: contentious politics in China. *British Journal of Political Science*, 2008, vol. 38, no. 3, pp. 411–432.
8. A Global Strategy For the European Union’s Foreign and Security policy. June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 14.11.2018).
9. Holling C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 1973, vol. 4, pp. 1–23.
10. The EU Global Strategy. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_zh_pdf (accessed: 29.10.2018). (In Chinese)
11. Yang J. Langan guanxi zhengce shengtai zhong gefang shiyingli kaocha [Study of Resilience of the PRC and Taiwan in the Political Environment of the Bilateral Relations]. URL: <http://www.siis.org.cn/Research/Info/507> (accessed: 20.09.2018). (In Chinese)
12. “Zhongguo de beiji zhengce” baipishu [The White Book “The Chinese Policy in the Arctic”]. Available at: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/document/1618203/1618203.htm> (accessed: 19.11.2018). (In Chinese)

13. Biange women de shijie: 2030 nian kechixu fazhan yicheng [Transforming the world: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/94632030%20Agenda_Revised%20Chinese%20translation.pdf (accessed: 07.11.2018). (In Chinese)
14. Guanyu biange maixiang kechixu he you fuyuanli de shehui de quyue he ciquyu guandian [Regional and subregional perspectives on the transformation towards sustainable and resilient societies]. Available at: https://www.unescap.org/sites/default/files/APFSD5_1C.pdf (accessed: 13.11.2018).
15. Gudalov N. N., Tulupov D. S. Semiotika stressoustoichivosti v mezhdunarodnykh otnosheniakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of Resilience in the International Relations: the Diversity of Academic and Political Meanings]. *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki "Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz"*, 2018, no. 1 (88), pp. 135–147. (In Russian)
16. Andrew Nathan's interview with the portal CNPolitics.com. Available at: <http://cnpolitics.org/2012/06/andrew-nathan/> (accessed: 24.09.2018). (In Chinese)
17. Zhu X., Xue L. Think tanks in transitional China. *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice*, 2007, vol. 27, no. 5, pp. 452–464.
18. Yan X. Renxing yanjiu: Dui anquan zhili de pipanxing fansi jiqi chaoyue [Studying resilience: Critical review and advantage of regularizing security]. Available at: <http://ies.cssn.cn/fjlb/201705/P020170522339689803464.pdf> (accessed: 24.09.2018). (In Chinese)
19. Assessment and prospect of China-Laos development cooperation. Report. Available at: http://en.sis.org.cn/UploadFiles/file/20170417/20170316_%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%B8%8E%E8%80%81%E6%8C%9D%E5%8F%91%E5%B1%95%E5%90%88%E4%BD%9C_%E8%8B%B1%E6%96%87%E7%89%88.pdf (accessed: 19.09.2018).
20. Speech by H. E. Ambassador Liu Xiaoming at the "Icebreakers" Chinese New Year Dinner. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1433233.shtml (accessed: 14.10.2018).
21. Remarks by Ambassador Cui Tiankai at the screening of documentary survival in Shanghai and the reception in celebration of 25th anniversary of establishment of the diplomatic relations between China and Israel. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1429632.shtml (accessed: 14.10.2018).
22. Briefing by Ambassador Yang Yanyi on President Xi Jinping's visit to the EU. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1141919.shtml (accessed: 15.20.2018).
23. Zhongyin guanxi shi quanfangwei he yourenxingde: Liu Jinsong linshidaiban chuxi zhongyin guanxi yantaohui ceji [Chinese-Indian relations are overarching and resilient: notes on the address of the Chargé d'affaires Liu Jinsong at the seminar on Chinese-Indian relations]. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cein/chn/sgxw/t1377946.htm> (accessed: 13.10.2018). (In Chinese)
24. Ambassador Zhou Pingjian: "What Africa can expect from China's annual two sessions". Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1445935.shtml (accessed: 10.10.2018).
25. Chinese investment seeks win-win progress. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1406889.shtml (accessed: 14.10.2018).
26. Speech by H. E. Ambassador Liu Xiaoming at Bath royal literary and scientific institution: China's development brings opportunity to the world. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1365278.shtml (accessed: 17.10.2018).
27. Li Keqiang gaikuo Zhongguo jingji san ge tuchu tedian: renxing qiang, qianli da, huoli wang [Li Keqiang summarized three outstanding features of the Chinese economy: strengthening of resilience, great potential, bright viability]. Available at: http://www.gov.cn/guowuyuan/2017-09/12/content_5224597.htm (accessed: 19.10.2018). (In Chinese)
28. Zhongguo jingji renxing zu [Resilience of the Chinese economy is sufficient]. Available at: http://www.gov.cn/shuju/2018-08/06/content_5311960.htm (accessed: 17.10.2018). (In Chinese)
29. Tian X. et al. Regional disparities in the Chinese economy. An emergy evaluation of provincial international trade. *Resources, Conservation and Recycling*, 2017, vol. 126, pp. 1–11.
30. Pettis M. Is China's economy growing as fast as China's GDP? Available at: <https://carnegie.ru/commentary/75342> (accessed: 15.10.2018).

31. US-China trade war and the impact on the petrochemicals market. Available at: <https://www.icis.com/press-releases/us-china-trade-war/> (accessed: 25.10.2018).

32. Remarks by Chinese Ambassador H. E. Sun Weidong at the launching ceremony of China-Pakistan Economic Corridaor information website. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/t1425648.shtml (accessed: 23.10.2018).

33. APEC caizhang hui zhongfang daibaio huyu gongtong cujin quanqiu jingji chixu wenjian zengzhang [Chinese representative at the APEC meeting of finance ministers urged to jointly stimulate long-term sustainable growth of the world's economy]. Available at: http://news.cnstock.com/news/bw_kx-201810-4285230.htm (accessed: 25.10.2018). (In Chinese)

34. Zhongguo jingji you renxing you diqi [The Chinese economy has both resilience and self-confidence]. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2018-10/20/content_5332829.htm (accessed: 27.10.2018). (In Chinese)

35. World's top export countries. Available at: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries> (accessed: 27.10.2018).

36. Shenme jiao Zhongguo gongchangdang de renxing [What is called the resilience of the Chinese Communist Party]. Available at: http://www.bjd.com.cn/sy/llzk/201707/03/t20170703_11063552.html (accessed: 03.12.2018). (In Chinese)

37. Zhongguo gongchangdang baochi henjiu renxing de aomi [The Chinese Communist Party's secret of maintaining the long-term resilience]. Available at: http://www.ccps.gov.cn/llyl/201810/t20181010_112202.html (accessed: 04.12.2018). (In Chinese)

Received: November 13, 2018

Accepted: January 15, 2019

Author's information:

Pavlova Elena B. — PhD in Political Science, Associate Professor; elena.pavlova@ut.ee

Mazanik Sergey V. — Bachelor student; sergeymazanik97@gmail.com